

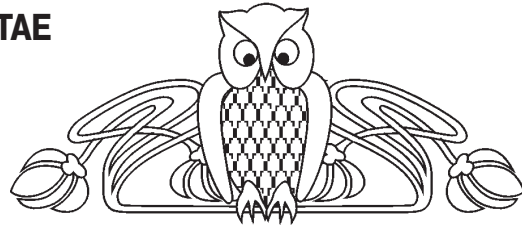

УДК 1(470+510)(09)

ФИЛОСОФСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ И КИТАЕ НА РУБЕЖЕ II–III ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

В. П. Рожков

Саратовский государственный университет
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

Статья посвящена проблеме мировоззренческих оснований межкультурного диалога России и Китая на рубеже II–III тысячелетий; анализируется динамика развития философского процесса в России и Китае в XX – начале XXI столетий, внимание акцентируется на векторной разнонаправленности тенденций, проявляющихся в пространстве философских культур этих стран.

Ключевые слова: мировоззрение, философия, культура, диалог, политика, марксизм, христианство, традиция, Китай, Россия, буддизм, даосизм, конфуцианство.

Philosophical Process in Russia and China at the Turn of XXI Century

V. P. Rozhkov

The article discusses the problem of the worldview foundations of intercultural dialogue between Russia and China at the turn of XXI century. The author analyzes the dynamic of development of philosophical processes in Russia and China at the beginning of XXI century. The article is focused at the omnidirectional vectors of various trends that appear in the continuum of philosophical cultures of these countries.

Key words: creed, philosophy, culture, dialogue, politics, Marxism, Christianity, tradition, China, Russia, Buddhism, Taoism, Confucianism.

На рубеже II – III тысячелетий деятельность Homo sapiens реализовалась в крайне противоречивой динамике техногенной цивилизации, адресовавшей планетарному сообществу глобальные вызовы виталистического характера. Вполне понятно, что вызовы такого масштаба таят в себе риски соответствующего формата. Прежде всего, это риск глобальной гуманитарно-экологической катастрофы в случае ошибки в искомом ответе.

Думается, что поскольку в основе созидания глобального жизненного пространства проявляется тенденция резкого расширения всех сфер деятельности человека, отчетливо выраженная в создании глобальной системы коммуникации в параметрах информационной фазы цивилизационной динамики, постольку ключевым ответом человечества на глобальный вызов современной истории может быть межкультурный диалог с целью интеграции нравственно-интеллектуальных ресурсов народов, населяющих планету Земля.

В этом плане для современной России в силу ее евразийского геополитического положения особую важность приобретает межкультурный диалог в векторном направлении «Россия – Китай».

Реален ли он? Какие проблемы и противоречия несет в себе взаимодействие культур издавна соседствующих народов? Подобные вопросы возникают неслучайно. Известно, что характер внешней государственной политики правящих кругов рассматриваемых стран только в XX в. менялся неоднократно. Однако, когда речь идет не о политической стороне международных отношений, а о межкультурном диалоге, на первое место выходит проблема не внешних, а внутренних факторов, влияющих на характер рождающихся взаимосвязей между государствами. И среди них, в первую очередь, требует разработки тема мировоззренческих оснований культур, вступающих в диалог, так как мировоззрение представляет ядро сознания индивидуального и социального субъектов культуры.

С учетом этого особое значение приобретает марксизм как философско-мировоззренческое основание организации и развития всех сфер функционирования советской и китайской социальных систем на достаточно длительном отрезке их социокультурного движения. Причем, принимая во внимание историческое доминирование советской интерпретации марксизма-ленинизма в развитии диалектического и исторического материализма до 1990-х гг., можно говорить о его активной роли в распространении марксизма в Китае.

Это подтверждается современными китайскими философами. «В течение XX в. среди зарубежных философских течений, – пишет профессор Цзя Цзэлинь, – наиболее сильное и глубокое влияние на Китай оказала советская философия. Определяющую роль в этом, вне сомнения, сыграли слова Мао Цзэдуна “Орудийные залпы Октябрьской революции принесли нам марксизм-ленинизм, идти по пути русских – таков был вывод” и слова Сунь Ятсена “Россия – как учитель”»¹. Другой исследователь философского взаимодействия СССР и Китая в период 1940–80-х гг. Ма Иньмао считает, что советская философия оказывала влияние на восприятие китайцами не только марксизма, но и западной философии вообще: «Можно не только сказать, что благодаря Советскому Союзу китайцы узнали и усвоили марксизм, – утверждает он, – но и что всю западную философию в целом они тоже воспринимали и изучали под советским влиянием»².

Реконструируя динамику влияния советской философии марксизма-ленинизма, китайские исследователи отчетливо выделяют несколько основных периодов. Показательна в этом отношении периодизация профессора Цзя Цзэляня, одного из известных представителей старшего поколения ученых Китая. Он выделяет четыре периода отношения китайских марксистов к советскому марксизму-ленинизму:

- учеба, усвоение, почитание и копирование (самый ранний период);
- критика и бойкот (1960 – начало 80-х гг.);
- специальное изучение в качестве объекта научного исследования (начало 1980–90 гг.);
- удаление марксизма-ленинизма из сферы научных интересов, переключение внимания на русскую традиционную философию, включая религиозную философию (с 1990-х гг.)³.

Таков взгляд из Китая. С какими процессами в истории советской и постсоветской философии совпадают выделенные периоды?

Начало монополии марксизма-ленинизма с 1920 и до 1990-х гг., как известно, обозначил «Философский пароход» 1922 г., разделивший отечественную философскую культуру на «философию русского зарубежья» и «советскую философию». Утверждение последней в качестве идеологически ориентированного мировоззрения советского человека на начальном этапе, в 1920 гг., не исключило развертывания дискуссии между советскими теоретиками по поводу отношения марксизма к естественным наукам.

Полярные позиции в решении этой проблемы заняли, с одной стороны, «механисты» – Л. Аксельрод, А. К. Тимирязев, И. И. Скворцов-Степанов, А. И. Варьяш, а с другой стороны – «диалектики» – А. М. Деборин, Н. Карев, Я. Стэн и др. Выступая с позитивистских позиций, «механисты» ставили под сомнение отличие философии от естественных наук, в выводах которых ими и усматривалась философия. «Диалектики» сводили философию марксизма к диалектике как учению о развитии и всеобщем методе познания. Дискуссия завершилась в начале 1930-х гг. критикой позиций всех ее участников молодыми философами М. Б. Митиным, П. Ф. Юдиным и В. Рализевичем, вдохновленными И. В. Сталиным. А в 1938 г. сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», включивший очерк «О диалектическом и историческом материализме», обозначил канонизированные положения основных знаний в области марксизма-ленинизма.

Раздвижение идеологических рамок в марксистско-ленинской философии наблюдается с 1960-х гг. Усиливается внимание к диалектической логике. Интересные исследования в этом направлении проводятся Э. А. Ильенковым, Г. С. Батищевым, В. С. Библером, Б. А. Босенко и др. В период 1960–80-х гг. активизируется

разработка проблем в сферах методологии науки (В. С. Степин, А. И. Ракилов, Е. А. Мамчур, В. С. Швырев, В. А. Штофф), гносеологии (В. А. Лекторский, А. М. Коршунов, П. А. Копнин), социальной философии (В. С. Барулин, В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон, В. М. Межуев, А. К. Уледов), аксиологии (Б. Т. Григорян, О. Г. Дробницкий, М. С. Каган).

В 1970–80 гг. ведется полемика о проблеме сознания. В разворачивающейся дискуссии ставится вопрос о необходимости переноса внимания с решения общих задач по соотношению материи и сознания в свете теории отражения на исследование внутренних механизмов динамики сознания (Н. В. Любомирова, В. И. Толстых), обосновывается возможность осмысления сознания как «идеального» в онтологическом и гносеологическом аспектах (Т. П. Малькова, О. А. Овчинников, В. В. Мархинин). Но происходящее углубление методологических и теоретических положений диалектического и исторического материализма не отрицает монопарадигмальности философского мировоззрения в советском обществе. Конечно, можно отметить самостоятельность философов М. М. Бахтина или М. К. Мамардашвили. В то же время очевидно, что определяющее воздействие на формирование индивидуального и общественного сознания в советский период оказывает марксистская философия.

Кардинальные изменения характера отечественной философии начинают происходить в 1990 гг. В этом десятилетии нарастает динамика философского процесса, что выражается в первых шагах по переходу от монопарадигмального мировоззренческого пространства, векторно ориентированного диалектическим и историческим материализмом, к полипарадигмальному варианту философской культуры. В отечественной философии вновь интенсифицируется развитие двух основных потоков. Представители одного обращаются к освоению открывшегося ареала мировой и, прежде всего, западноевропейской постнеклассической философии, а приверженцы другого – к изучению русской религиозной философии.

Взаимодействие этих направлений приобретает характер острой борьбы. Показательны в этом отношении дискуссии рассматриваемого периода. Они развернулись на международных конференциях, организованных Транснациональным институтом США в Петербурге и Москве в 1991, 1994 гг. и продолжились на Первом российском философском конгрессе 1997 г. (Санкт-Петербург) и международном симпозиуме «Византийское богословие и традиции религиозно-философской мысли в России» (2000 г., Санкт-Петербург). Представители первого направления негативно восприняли восстановление русской религиоз-

но-философской традиции, обосновывая свою позицию несоответствием идей отечественной религиозной философии содержанию и задачам современного культурно-исторического процесса. Этот мотив отчетливо прозвучал в выступлениях отечественных и зарубежных «западников», считающих, что исторической задачей постсоветской России является ее «возвращение в Европу». Таковы, например, высказывания профессора А. Валицкого (США), который считает, что восстановление роли русской религиозной философии в культурном сознании общества опасно. «Это особенно ошибочно и опасно в философии, – настаивает он, – которая должна все-таки решать философские проблемы современности и не концентрироваться на задаче адекватного воспроизведения архетипов, генотипов и стереотипов...»⁴.

Свои доводы приводят и приверженцы развития русской религиозно-философской традиции. Главный из них состоит в апелляции к духовно-нравственному ресурсу этой философии, интенсификация которого весьма своевременна, так как позволяет решать сложнейшую из современных задач – задачу противостояния массовой моральной деградации, масштабно проявляющейся в России и странах Запада.

Что несет эта борьба двух потоков отечественной философии общественному сознанию современной России? Осваивая постнеклассическую философию, современные российские философы в 1990-х гг. получили возможность углубленного изучения экзистенциализма Ж. П. Сартра, А. Камю, К. Ясперса, М. Хайдеггера, Х. Ортеги-и-Гассета, феноменологии Э. Гуссерля, герменевтики Ф. Шлеймахера, В. Дильтея, Г. Гадамера, постпозитивизма К. Поппера, Т. Куна, структурализма К. Леви-Стросса, М. Фуко, Ж. Дерриды, Ж. Лакана, сциентистских идей У. Росту, Д. Белла, А. Тоффлера, философии культуры Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ж. Ф. Лиотара, У. Эко, идей социальной онтологии Ж. Бодрийяра, Т. Адорно, Д. Лукача, Р. Барта и др. Это позитивно отразилось на расширении методологического и теоретического ресурса отечественной философии.

Но при этом нельзя не обратить внимания на неоднозначность мотивов, которые вносятся постнеклассической философией в общественное сознание. С одной стороны, утверждение информационной парадигмы в структуре современного мышления позитивно воздействует на усиление коммуникативного мотива в культуре сознания. И эта тенденция начинает реально проявляться в ориентации индивидуального и общественного сознания на ценности «диалога», «толерантности», «партнерства».

С другой стороны, принципы нелинейности, неравномерности, неустойчивости ориентируют человека на закономерность хаотического состо-

яния представляющего перед ним «разделенного» на частицы и части мира. Упорядочение «хаоса» снова создает системную целостность – это целостность открытой системы. При таком подходе в сознании, как в калейдоскопе, проявляется «мозаичная» картина мира, лишь возрастает скорость изменения элементов мозаики в проекции: хаос – порядок – хаос – порядок и т. д. Методологически настроенное таким образом сознание готово к динамичному переходу от социального порядка к общественному беспорядку, от сотрудничества к борьбе, от толерантности к нетерпимости, от социальной стабильности к социальному взрыву. Человек – носитель подобных методологических оснований мировоззрения, в принципе может воспроизводить любое из названных состояний. Тем более постнеклассическая философия, теоретически обновляя установку на относительность нравственных ценностей, во многом способствовала той тенденции массовой моральной деградации, которая мощно транслируется в общественное сознание современной техногенной цивилизации.

Этим воздействиям на ценностную ориентацию противодействует часть современных отечественных философов, обращаясь к русской религиозной философии. Воспроизводству и распространению ее идей в российском обществе и за рубежом посвящены исследования М. Н. Громова, А. Ф. Замалеева, И. И. Евлампиева, А. А. Ермичева, А. П. Козырева, М. В. Максимова, Б. В. Маркова, А. И. Новикова, Н. П. Полторацкого, В. А. Фриауфа, С. С. Хоружего, Л. Е. Шаповалова и др. Интенсивная научная и просветительская деятельность представителей этого направления в 1990–2010-х гг. не только способствовала распространению историко-философских трудов русского зарубежья, но и позволила выявить те аспекты духовно-интеллектуального ресурса русской религиозной философии, которые были и остаются актуальными для отечественного общественного сознания.

Речь идет, прежде всего, о духовно-нравственной доминанте русского философско-религиозного мировоззрения, выделяя которую, исследователи определяли её как панэтизм (панморализм). Эта особенность отечественного философско-религиозного сознания проявляется в абсолютизации нравственных ценностей Любви и Добра в Боге (Бог есть Любовь). Подобная позиция, по сути, выражает онтологическую этизацию, так как Любовь декларируется сущностью Бога, или нетварного бытия. За этим следует гносеологическая этизация, когда в основании богопостижения выделяется «сердце» как символ истока любви. Отсюда вытекает этизация антропного и исторического измерений бытия в идеях духовно-нравственного первоначала в Богочеловеке и духовно-нравственного смысла

исторического процесса становления человечества как человекобога. Понятно, что, обосновывая положения об абсолютности нравственных ценностей, русская религиозная философия противостоит западноевропейской философской ориентации сознания на относительность нравственных ценностей.

Анализ процессов в советской и постсоветской философии показывает, что период исключения марксизма-ленинизма из сферы научных интересов китайских философов и переориентация их внимания на «русскую традиционную» и особенно – религиозную философию совпадает с этапом формирования плюралистического пространства философской культуры в постсоветском российском обществе. Динамика образования такого пространства определяется внутренним противоречием полярности ценностного воздействия на сознание человека философских ориентаций приверженцев западной постнеклассической философии и русской религиозно-философской традиции. Этой дилеммы мировоззренческого выбора, который совершается общественным, в том числе и политическим сознанием современной России, не могли не заметить китайские философы, изучающие рассматриваемую проблему. С каких позиций могут они отнестись к подобной ситуации? Чтобы ответить на этот вопрос, целесообразно обратиться к приоритетам современной китайской философии.

Ядро пространства современной китайской философской культуры представляет марксизм. «В современном Китае, – подчеркивает один из исследователей тенденций развития китайской философии Ли Цзинюань, – марксистская философия является и руководящей идеологией, и объектом научного исследования. С начала политики реформ и открытости марксистская философия, обладая культурой научного характера, добилась значительного обогащения и развития»⁵. Судя по изысканиям цитируемого автора, модернизация марксизма связывается, прежде всего, с интерпретацией марксистской философии в контексте «западной классической философской традиции с особым акцентом на “диалог” с западным марксизмом»⁶. Китайские философы открыто заявляют о взятой на себя задаче достижения «взаимопонимания» между марксистской философией китайского образца и западной философией.

Ощущается повышенный интерес китайских ученых к западной философии, в частности к философии Просвещения, христианской философии, феноменологии. Именно западная философия, по мнению Ли Цзинюаня, открывает «новые горизонты» даже в области исследований китайской традиционной философии, в сферу которой включаются конфуцианство, даосизм и буддизм⁷. Из трех обозначенных составляющих китайской традиционной философии по интен-

сивности изучения выделяется конфуцианство в доцинском, сунско-минском и современном периодах его истории. Об этом свидетельствует тот факт, что изучение классических текстов учения начинает рассматриваться как государственная задача, а издание и освоение конфуцианских канонических текстов представляется важным государственным проектом. Философский ресурс конфуцианства апробируется в подходах к современным проблемам глобализации, экологии, прав человека и унификации морали⁸. В этом отношении выявляются и возможности его модернизации в соотношении с западной методологией.

Активно исследуется и буддийская философия. В 1980 гг. публикуются книги Тан Юнтуна, Люй Чэна, Ван Сэна, создается Институт буддийской культуры. Показательно, что, по мнению китайских философов, наиболее оживленную дискуссию вызвал вопрос о причинах превращения буддизма в «один из источников принципов конфуцианства у мыслителей последнего периода цинской династии»⁹. Разрабатываются проблемы «даосской философии», «даосской алхимии» и «даосской религии», в 2003 г. завершена семилетняя работа по составлению «Китайского Даосского Канона», включающего 48 томов текстов и один том приложений¹⁰.

Что касается изучения русской философии, то до периода исключения советского марксизма из поля научных интересов китайская философия оказывает ему пристальное внимание. Достаточно сказать, что из десяти международных симпозиумов по советской и русской философии с 1985 по 2005 гг. семь посвящалось изменениям в марксистской философии советского периода и три – русской религиозной философии. Несмотря на растущую активность китайских специалистов, круг русских философов, чьи сочинения переведены и изданы достаточными тиражами, сравнительно узок. Это В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, Л. Шестов, вызывают интерес работы М. М. Бахтина, творчество Ф. М. Достоевского. Отсюда, по признанию самих китайских исследователей, представления о русской философии религиозного направления страдают макроподходом и отражают «взгляд с птичьего полета», русская философия, по мнению китайских специалистов, преемница западной¹¹. Во многом поэтому в общественном сознании Китая значение русской религиозной философии – как истока основания русской культуры в целом не проявлено. «В сознании многих китайцев, – замечает Ма Иньмао, – политическое значение России несомненно с ее философскими достижениями, поскольку эти достижения нельзя даже сравнить с ее влиянием в международной политике, более того, невозможно ставить в один ряд с ее успехами в сфере литературы, искусства и науки»¹².

Ясно, что при таком знании мировоззренческих приоритетов духовной культуры России со стороны представителей иной культуры, участвующей в межкультурном диалоге, его трудно осуществлять. Реален риск ограничения межкультурного диалога политическим. Но, как известно, политика, осуществляемая на основе марксистской философии, – явление классовое, предполагающее насилие в различных формах. В этой ситуации исходным условием минимизации подобного риска будет глубинное знание мировоззренческих оснований культур народов, тяготеющих к межкультурному диалогу.

Публикация выполнена в рамках проекта «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации» при финансовой поддержке гранта РГНФ (№12-33-09003а).

Примечания

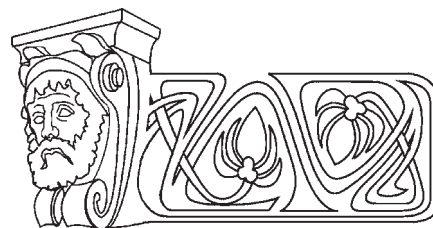
- ¹ Цзя Цзэлинь. Изучение русской и советской философии в Китае // Вопр. философии, 2007. № 5. С. 64.
- ² Ма Иньмао. Русская философия в Китае // Вопр. философии. 2007. № 5. С. 68.
- ³ См.: Цзя Цзэлинь. Указ. соч. С. 64–65.
- ⁴ Валицкий А. По поводу «русской идеи» в русской философии // Вопр. философии. 1994. № 1. С. 72.
- ⁵ Ли Цзинюань. Современное состояние и тенденции развития китайской философии // Вопр. философии. 2007. № 5. С. 25.
- ⁶ Там же. С. 24.
- ⁷ Там же. С. 21.
- ⁸ Там же. С. 21–22.
- ⁹ Там же. С. 23–24.
- ¹⁰ Там же. С. 22–23.
- ¹¹ См.: Ма Иньмао. Указ. соч. С. 72.
- ¹² Там же. С. 68.

УДК 130.2

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Е. В. Романовская

Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова
E-mail: evromanovskaya@mail.ru

В последние годы наблюдается настоящий взрыв интереса к концепции «идентичности». Проблема идентичности обострилась, когда общество, «оторвавшись» от власти природы и традиций, встало перед необходимостью принимать самостоятельные решения. Психологи рассматривали идентификацию в качестве одного из механизмов защиты; ключевую роль во всех проблемах идентичности играют память и традиция.

Ключевые слова: идентичность, память, традиция.

Identity as a Social Phenomenon

E. V. Romanovskaya

In the recent years the real storm of interest to the concept of «identity» is observed. The problem of identity became strained when the society had lost the contact to power of nature and tradition and faced the necessity to make self-dependent decisions. Psychologists considered identification as one of defense mechanism. Tradition and memory play the key role in every problem of identity.

Key words: identity, memory, tradition.

Анализируя проблемы современного общества в контексте феномена глобализации, З. Бауман писал, что в последние годы наблюдается настоящий взрыв интереса к концепции «идентичности». По-видимому, никакой иной

аспект нашей жизни не привлекает сейчас такого внимания философов, социологов, психологов. Идентичность становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни. Так, по мнению исследователя, теоретические споры вокруг проблем прав человека связывают сейчас напрямую с правом на собственную идентичность, а проблему повседневного поведения – с оформлением, обсуждением и утверждением идентичности¹.

«Идентичность» словари определяют как психологическое представление человека о своём Я, характеризующееся субъективным чувством индивидуальной самоидентичности и целостности; отождествление человеком самого себя (частично осознаваемое, частично неосознаваемое) с теми или иными типологическими категориями (социальным статусом, полом, возрастом, ролью, образом, нормой, группой, культурой и т. п.)².

Одно из научных направлений в гуманитарном знании связывает изучение проблемы идентичности с изменением роли традиции в современном обществе. Психологическая составляющая проблемы традиции обнаруживает